

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. И. ГРИГОРЬЕВ

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О СТРУКТУРАЛИЗМЕ И СЕМАНТИКЕ

Опубликованная в журнале «Вопросы языкознания» статья С. К. Шаумяна¹ начинается серьезный и важный для советского языкознания разговор о структурализме. До последнего времени в нашей языковедческой литературе господствовал однозначно отрицательный подход к этому направлению. Публиковавшиеся статьи носили односторонне критический характер и обилием отрицательных ярлыков и упрощенных определений отпугивали читателя от серьезного ознакомления с трудами структуралистов. Между тем работа, проделанная структуралистами, давно уже стала научно-историческим фактом, определившим собой целый этап в развитии языкознания. Неоценимой заслугой структурализма перед языкознанием явилось открытие структуры языка как совокупности соотношений между языковыми формами. С открытием структуры языка языкознание обрело, наконец, свой собственный предмет исследования, отличный от предмета исследования логики, психологии речи, истории культуры и других смежных наук. Не менее важной заслугой структурализма следует признать начатую им разработку объективной методики исследования языка, которая кладет конец субъективистским истолкованиям языковых фактов и придает языкознанию характер точной науки.

Опираясь на объективные методы исследования языка, структурализм в последние годы успешно прокладывает себе дорогу в технику, обеспечивая формализацию процессов речи, которая требуется для таких новых отраслей техники, как машинный перевод и техника анализа и синтеза речи. Это проникновение структурализма в технику является весьма знаменательным, если учесть, что техника в наши дни становится пробным камнем языковедческих теорий, важным критерием оценки результатов научно-исследовательской работы и в области языкознания. Ясно, что в этих условиях появление в центральном органе советского языкознания статьи, содержащей откровенно доброжелательную характеристику структурализма, само по себе является отрадным фактом. Статья С. К. Шаумяна «О сущности структурализма», несомненно, будет иметь положительные последствия для развития языкознания в нашей стране. Она заставит многих дать более реалистическую оценку проделанной структуралистами работы, поможет увидеть положительное содержание структурализма за порою ошибочными, а в некоторых случаях и явно идеалистическими высказываниями отдельных его представителей. Статья С. К. Шаумяна в конечном итоге будет способствовать признанию того факта, что критическое усвоение опыта структурализма отвечает научной целесообразности

¹ С. К. Шаумян, О сущности структурализма, ВЯ, 1956, № 5, стр. 38.

и может дать значительные преимущества при решении стоящих перед языкознанием важных практических задач.

Тем не менее редакция журнала поступила правильно, признав статью дискуссионной. Статья С. К. Шаумяна требует серьезного обсуждения не только потому, что самый вопрос о сущности структурализма является весьма сложным и не может быть исчерпан в небольшой работе, но также и потому, что излагаемый в статье взгляд на сущность структурализма является чересчур односторонним и по существу неверным.

*

В качестве главного общетеоретического положения структурализма в статье С. К. Шаумяна неправомерно выдвигается принцип коммутации. В действительности принцип коммутации в структуралистских работах занимает гораздо более скромное место: это лишь методический прием, с помощью которого выявляется различительная функция звуков речи. Универсальную трактовку принципа коммутации С. К. Шаумян, очевидно, заимствовал у Л. Е. Ельмслева, который, хотя практически этого принципа и не применяет, считает его самым основным языковым соотношением и распространяет его действие на все единицы языка, независимо от их протяженности¹.

Следует признать, что идея расширения сферы действия принципа коммутации сама по себе представляется заманчивой. Однако в рамках теории Л. Ельмслева это расширение приводит лишь к ряду противоречий. В частности, уже распространение принципа коммутации на слоги нарушает требование минимального различия между сопоставляемыми формами и таким образом обесценивает этот методический прием. Кроме того, два слога, различающиеся хотя бы одной фонемой, обязательно должны быть признаны разными слогами, независимо от всех других обстоятельств. Иначе говоря, инвариантность слога выявляется не в чередовании значений, а определяется инвариантностью входящих в него звуков. Поэтому проверка слогов на коммутацию практически не имеет смысла. Сомнительной является и возможность распространения принципа коммутации на слово. Проверка на коммутацию, как она применялась до сих пор в структурализме, состоит в регистрации параллелизма в чередовании форм и значений на разных уровнях: форм — на уровне фонем, а значений — на уровне морфем или слов. Значение в этой проверке является действительно лишь вспомогательным средством. Суть явления коммутации состоит в том, что чередование формальных единиц на самом низком уровне (фонем) приводит к чередованию в такой же мере формальных единиц на более высоком уровне (морфем). Происходящая смена значений является лишь показателем смены формальных единиц более высокого уровня. Это иерархическое соотношение чередований, гарантирующее объективность данного методического приема, утрачивается при переносе его на слово. Так, в примере Л. Ельмслева замена датск. *lak* на *læk* представляет собой не параллельное чередование единиц разного уровня, а просто замену одного слова другим. Никаких практических результатов от такой проверки ожидать нельзя.

Нельзя ожидать реального эффекта и от распространения принципа коммутации на содержательную сторону речи. В применении к языковой форме явление коммутации дает в руки исследователя строго объективный критерий функциональной значимости тех или иных формальных признаков. При переносе же этого критерия на значение он лишается объектив-

¹ L. Hjelmslev, Omkring sprogteoriens grundlæggelse, København, 1943, стр. 60.

ности, поскольку замена одних значений другими — это такая операция, которая не поддается объективному контролю и, таким образом, постоянно будет служить источником субъективизма в исследовании. Поэтому тезис Л. Ельмслева о необходимости распространения принципа коммутации на содержательную сторону речи может лишь явиться препятствием в деле разработки объективной методики лингвистического исследования, в котором у структуралистов имеются значительные достижения.

Нужно сказать, что и само определение принципа коммутации в работе Л. Ельмслева «Введение в теорию языка» вызывает ряд недоуменных вопросов. В этой работе принцип коммутации определяется как соответствие между корреляцией в плане выражения и корреляцией в плане содержания¹. Остается, однако, неясным, что следует понимать под выражением и содержанием — их «форму» или их «субстанцию». Если при определении принципа коммутации Л. Ельмслев имеет в виду «форму» языка, т. е. то, что С. К. Шаумян называет элементами соотношений, то неясно, как могут участвовать в коммутации варианты, которые, очевидно, не являются элементами соотношений и не относятся к «форме». Если, напротив, имеется в виду «субстанция» языка, то столь же сомнительным становится место инвариантов в коммутации. Кроме того, Л. Ельмслев говорит о коммутации знаков и в то же время определяет знак как двустороннее единство формы содержания и формы выражения. Спрашивается, в каком смысле можно говорить о параллельном чередовании содержаний и выражений знака, если это — две стороны одного явления.

*

Основной вывод, к которому приходит С. К. Шаумян в результате рассмотрения принципа коммутации, состоит в том, что «значения и звуки, взятые сами по себе, представляют собой нечто внешнее по отношению к языку...»². Это положение настойчиво проводится на протяжении всей статьи и, видимо, является ее главным тезисом. Тем не менее оно не подкрепляется сколько-нибудь убедительными доказательствами. Так, необходимость «отказаться от рассмотрения звуков языка как физического явления»³ мотивируется ссылкой на существующие несоответствия между фонологическими системами разных языков. Например, [k] и [g] составляют разные фонемы в русском языке и являются вариантами одной фонемы в голландском, а [e] и [ɛ], не различающиеся в русском языке, являются различными фонемами во французском. По мнению С. К. Шаумяна, «с физической точки зрения [k] и [g] должны считаться разными звуками, потому что они резко отличаются друг от друга, а [e] и [ɛ] должны рассматриваться как разновидности одного и того же звука, потому что они сходны друг с другом. Однако ссылка на физические критерии приводит к противоречиям, которые доказывают ее несостоятельность»⁴. Отметим, во-первых, что, говоря о физических критериях, С. К. Шаумян в определении степени схождения звуков руководствуется своим субъективным восприятием. Во-вторых, С. К. Шаумян не замечает того факта, что варианты различия, как правило, оказываются слабее различий фонологических. Например, различия между закрытым и открытым *e* французского или немецкого языка лишь в слабой степени обнаруживаются в вариантных различиях русского языка.

Суть дела, однако, не в субъективной оценке степени схождения между звуками. Главный недостаток приведенного рассуждения С. К. Шаумяна

¹ L. Hjelmslev, указ. соч., стр. 66.

² С. К. Шаумян, указ. соч., стр. 42.

³ Там же, стр. 41.

⁴ Там же.

состоит в том, что сделанный им вывод о несостоятельности физических критериев никак не вытекает из приведенных фактов. На основании этих фактов более правильно было бы заключить, что фонологические системы разных языков строятся на различном звуковом материале. Если же рассуждать так, как рассуждает С. К. Шаумян, то аналогичный вывод можно сделать и относительно «элементов соотношений». Известно, например, что в английском языке насчитывается примерно 30 фонем, в русском же их более сорока. Следовательно, по крайней мере, десять «элементов соотношений» используются в русском языке и не используются в английском. Отсюда следует, что «элементы соотношений» представляют собой нечто внешнее по отношению к языку. Ясно, что такой вывод был бы неосновательным. Но столь же неосновательно заключать о нефизическом характере звуков языка из того факта, что в разных языках в различительной функции используются разные звуковые признаки.

Сделанный С. К. Шаумяном вывод не только не обоснован, но он и не соответствует взглядам большинства представителей структурализма. В структуралистских работах можно найти много высказываний, подчеркивающих значение физического (артикуляционного и акустического) критерия при определении фонем. Важность критерия фонетического сходства при определении фонем подчеркивает, например, Э. Фишер-Иоргенсен¹. Л. Блумфилд, отмечая, что до сих пор языковеды имели дело преимущественно с артикуляционными признаками фонемы, утверждает: «Можно ожидать, что в ближайшие десятилетия лаборатории дадут физических (акустическое) определение каждой фонемы любого языка»². И нужно сказать, что сейчас, с развитием новых электро-акустических методов анализа речи, это положение Л. Блумфилда полностью оправдывается.

С. К. Шаумян не должен был проходить мимо подобных высказываний представителей структурализма. Однако дело ведь не только в высказываниях. О сущности той или иной теории, того или иного направления в науке нужно судить не по высказываниям представителей данной теории или направления, а прежде всего по их действительному подходу к предмету исследования, по методам и результатам их работы. Структурализм в фонетике ознаменовался функциональным подходом к звукам речи. Различительная функция звука в речи была провозглашена основным, первичным его критерием. Но это вовсе не означало отказа от рассмотрения физической стороны звуков речи. Напротив, применение функционального критерия дало в руки фонетиста точный инструмент, при помощи которого оказалось возможным из всего многообразия звуковой материи выделить те акустические и артикуляционные свойства, которые несут функциональную нагрузку и, следовательно, очень важны для языковеда. Не отвлечение от физической природы звуков, а дифференцированный подход к многообразным и изменчивым свойствам звуковой материи, причем дифференцированный с точки зрения структуры языка, — вот что означал функциональный критерий в фонетике.

Рассмотрим, например, методику выявления фонологической структуры, которая предлагается в книге З. Харриса «Методы в структуральной лингвистике»³. Согласно этой методике, фонологический анализ начинается с сегментации речевого потока по акустическим и артикуляционным

¹ См. E. Fischer-Jørgensen, The phonetic basis for identification of phonemic elements, «The Journal of the Acoustical society of America», vol. 24, № 6, 1952, стр. 611.

² Цитируем по кн.: W. T w a d d l e, On defining the phoneme, Baltimore, 1935, стр. 23.

³ Z. S. H a r r i s, Methods in structural linguistics, Chicago, 1951.

признакам. Затем выявленные в первом приближении сегменты прослеживаются через ряд повторений одной и той же фразы. Тем самым уже на этом этапе начинается отделение звуковых признаков, несущих функциональную нагрузку в языке, от тех акустических и артикуляционных особенностей, которые с точки зрения функционирования языка не имеют значения (изменение которых не меняет смысла высказывания). На третьем этапе производится подстановка сегмента в другие фразы вместо фонетически сходных с ним сегментов. Операция подстановки позволяет прояснить дальнейшее ограничение круга звуковых признаков, которые предположительно могут иметь смылоразличительную функцию в данном языке, так как «... эти уникальные сегменты являются взаимозаменяемыми потому, что они идентичны в некотором отношении (например, в отношении звонкости в английском языке), несмотря на различия, которые могут быть между ними в другом отношении (например, абсолютная разница по громкости в английском)»¹. И так вплоть до объединения сегментов с дополнительным распределением в фонему, которое пусть «ради удобства», но все же происходит на основании фонетического сходства между сегментами.

К тому же убеждению в важности физических критериев мы приходим при рассмотрении методики разложения фонем на дифференциальные признаки, которая в настоящее время разрабатывается Р. Якобсоном и другими лингвистами. В результате такого разложения фонема однозначно определяется ограниченным числом дифференциальных признаков, т. е. определенной совокупностью акустических или артикуляционных свойств. «Дифференциальные признаки ... тесно связаны с физическим процессом речи»², дифференциальные признаки собственно и есть акустические либо артикуляционные свойства звуков речи. Так, «согласность» у Р. Якобсона акустически определяется наличием антирезонансов, распределенных по всему частотному диапазону речи. Мягкость в русском языке характеризуется «смещением энергии вверх по оси частот»³, фрикативность определяется плавным нарастанием шумового импульса или еще более акустически-хаотическим распределением фазы составляющих белого шума⁴, и т. д. Реальность дифференциальных признаков, их вполне физический характер доказываются экспериментально. Например, если стереть с магнитной записи передний скат щелевого звука, то звук утратит свой различительный признак — плавность нарастания шумового импульса — и будет восприниматься как смычный (например, [f] как [p] или [pf]). Аналогичным образом ограничение фильтрами спектра речи может приводить к тому, что характерные для данного гласного звука области резонансного усиления будут срезаны и звук либо утратит свою опознаваемость, либо перейдет в другие гласные звуки. Реальность, физический характер дифференциальных признаков вытекает и из возможности автоматического анализа речи при помощи специальных устройств. Работы в этом направлении нельзя еще считать совершенно законченными. Тем не менее к настоящему времени уже созданы аппараты, которые могут (пусть с еще недостаточной точностью) автоматически производить анализ устной речи,

¹ Z. S. Harris, указ. соч., стр. 32.

² См. E. C. Cherry, M. Halle, R. Jakobson, Toward the logical description of languages in their phonemic aspect, «Languages», vol. 29, № 1, 1953, стр. 38.

³ Там же, стр. 35.

⁴ См. Л. А. Варшавский и И. М. Литвак, Исследование некоторых физических характеристик и формантного состава звуков русской речи, «Научно-технический сборник [Гос. союзного научно-исслед. ин-та Мия-ва радиотехн. пром-сти СССР]», вып. 1—2 (3—4), Л., 1955.

выделять из спектра речи значащие элементы и выдавать на выходе буквопечатный текст¹.

Ясно, что никакое устройство для автоматического анализа речи не может работать на материале «элементов соотношений», освобожденных от физической реальности. Такие устройства могут работать только с совершенно реальными физическими (в данном случае акустическими) величинами, поддающимися измерению и преобразованию в электрические токи и напряжения. Эти успехи технической мысли могут послужить хорошим уроком для языковедов. Они лишний раз напоминают о том, что нельзя отрывать от физической природы звуков речи, от их акустических и артикуляционных свойств. Предметом изучения языковедов должны быть не чистые элементы соотношений, а физические звуки речи в их взаимных соотношениях, совокупность которых и образует фонологическую систему языка. Функциональный критерий при правильном его применении не может служить препятствием к изучению физической природы звуков речи. Напротив, такой критерий дает возможность точно оценить физические свойства звуков с точки зрения языковой структуры. Пользуясь функциональным критерием, языковед может оказать большую помощь инженерам в решении важных практических задач, стоящих перед различными отраслями техники. Ориентация на чистые элементы соотношений, наоборот, уводит языковеда от решения этих практических задач, ликвидировать всякую возможность сотрудничества языковеда с инженерами, необходимость которого в настоящее время вполне назрела.

Конечно, трактовка фонологических понятий не во всех структуралистских работах является четкой и определенной. Как правильно указывает Ч. Хоккет, «инженер-связист вправе не понимать, что лингвисты подразумевают под фонологией, ибо мы, лингвисты, были достаточно туманными в наших фонологических рассуждениях»². С. К. Шаумян, поскольку он взялся говорить о сущности структурализма, надлежало бы разобраться в этих «туманностях», разобраться в существующих в структурализме противоречивых точках зрения. Однако С. К. Шаумян предпочел принять точку зрения Л. Ельмслева, выдав ее за фундаментальную основу структурализма вообще, что явно не соответствует фактам. Л. Ельмслев занимает важное место в структурализме, но это все же не весь структурализм. Более того, Л. Ельмслев даже пытается в какой-то мере отмежеваться от структурализма, объявляя свою теорию глоссематикой. В его теории мы находим полное изгнание из языка звуковой субстанции. Л. Ельмслев настолько последователен в своих взглядах, что отказывается и от учета дифференциальных признаков фонемы. Да и самый термин «фонема», все же напоминающий о каком-то фонетическом содержании, Л. Ельмслев заменяет термином «сенема», что в переводе на русский язык означает «пустая единица». С. К. Шаумян замечает эту прямолинейность Л. Ельмслева; однако, вместо того чтобы насторожиться, он пытается подправить теорию Л. Ельмслева путем... освобождения дифференциальных признаков от их физического характера. Для него «ясно, что дифференциальные признаки — это вовсе не акустические свойства, а такие же семиологические элементы, как и сами фонемы» (стр. 52).

Таким образом, С. К. Шаумян делает шаг в сторону по сравнению со своими взглядами 1952 г., когда он еще признавал дифференциальные

¹ Л. А. В а р ш а в с к и й, Характеристические признаки звуков речи и перспективы предельной частотной компрессии, «Научно-технический сборник НИИ МРТП и Секция по исследованию речи Комиссии по акустике АН СССР», вып. 4, 1957.

² См. Ch. H o c k e t t [реп. на кн.:] C. L. S h a n n o n and W. W e a v e r, The mathematical theory of communication, Urbana, 1949, «Language», vol. 29, № 1, 1953, стр. 84.

признаки существенными акустическими свойствами¹. Теперь для него «дифференциальные признаки — это семиологические, а стало быть, реляционные элементы фонем, тогда как акустические свойства есть физические элементы звуков» (стр. 52). Что, однако, следует понимать под термином «реляционный»? Если «реляционный» значит «относительный», то акустика данно уже научилась обращаться с относительными величинами и, следовательно, сможет разобраться и в дифференциальных признаках фонемы, поскольку относительный характер величины не устраняет ее физического смысла. Но С. К. Шаумян просто отсылает читателя к термину, который ничего не значит и лишь способен ввести в заблуждение своей научной видимостью.

*

Так же некритически С. К. Шаумян принимает и тезис Л. Ельмслева о внешнем по отношению к языку характере семантики. Л. Ельмслев в своей знаковой концепции развивает одно из наиболее слабых положений Ф. де Соссюра о несколько «таинственном» явлении, состоящем в том, что «мысль-звук требует наличия делений и что язык вырабатывает свои единицы, оформляясь между двумя бесформенными массами»². Ельмслев освобождает это положение де Соссюра от психологической трактовки и ставит его на «твердую» почву логистических представлений о формировании действительности человеческим сознанием. Значение (*meningen*) в плане содержания — это аморфная непрерывная среда (*continuum*), которой является доязыковая действительность. На эту аморфную среду каждый язык накладывает свои границы, в результате чего действительность разбивается на субстанции содержания, которые подводят под ту или иную языковую форму.

Показателен в этом смысле пример, приведенный Л. Ельмслевым. Анализируя датск. *træ* «дерево», он пишет: «эта вещь в моем саду является величиной субстанции содержания, которая связывается (*tilordnes*) с формой содержания и подводится под нее совместно с различными субстанциями содержания (например, с материалом, из которого изготовлена моя дверь)»³. Аналогичные соотношения Л. Ельмслев обнаруживает и в плане выражения, где значением (*meningen*) является аморфная масса звука, разбиваемая на субстанции выражения (звуки, слоги, слова и фразы) языковой формой выражения. В результате получается известная шестизатаянная концепция языкового знака, занимающая в последнее время умы многих языковедов, несмотря на то, что эта концепция почти ничем, кроме нескольких примеров, не подкрепляется.

В плане содержания аморфность «значения» иллюстрируется примером разбиения непрерывного спектра цветов в различных языках. Этот пример фигурирует и во многих других работах сторонников и противников Л. Ельмслева в качестве наиболее серьезного довода в пользу его концепции. В литературе уже обращалось внимание на некоторые слабые стороны этого примера. В частности, указывалось, что Л. Ельмслев, сравнивая обозначения цветов в разных языках, ограничивается лишь однокорневыми словами. Между тем в этом разбиении спектра на равных началах могут участвовать и сложные слова, и словосочетания (ср. в русском: голубой — синий — темно-синий, но светло-зеленый — зеленый — темно-зеленый; в немецком: *hellblau* — *blau* — *dunkelblau*, *rosa* — *rot* — *dunkelrot*).

¹ См. С. К. Шаумян, Проблема фонемы, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 4, стр. 330.

² См. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, перевод с франц., М., 1933, стр. 112.

³ L. Hjelmslev, указ. соч., стр. 52.

Указывалось также, что отсутствие в языке специальных обозначений для цветов вовсе не определяет способности человека, говорящего на этом языке, различать эти цвета в восприятии и выражать их различия в языковой форме¹.

Однако при рассмотрении этого примера обычно проходят мимо того факта, что непрерывного спектра цветов как такового в природе не существует. Он может быть получен лишь искусственно. В окружающей же нас среде существуют вещи, явления, элементы этой среды, которым присущ тот или иной цвет или несколько цветов, как правило, с четкими границами между ними. Таким образом, спектр цветов разбивается на составляющие не языком, а вещами и явлениями окружающего нас мира, независимо от языка и помимо него. Это практическое разбиение спектра цветов, естественно, зависит от географических и социальных условий; оно осуществляется по-разному на севере и на юге, в тропических джунглях, в пустыне, в тайге и тундре. Таким практическим разбиением спектра и определяется терминология цветов у народа, населяющего ту или иную местность. В этом смысле весьма важный факт отмечается в работе Г. А. Глисона «Введение в описательную лингвистику». В языке басса (Либерия), помимо целого ряда специальных обозначений, имеются, указывает Глисон, два наиболее общих обозначения цветов: *hii*, охватывающее цвета фиолетовый, синий и зеленый, и *ziza* — желтый, оранжевый и красный (т. е. цвета морского побережья и цвета пустыни)². На первый взгляд такое деление спектра представляется произвольным и менее удобным, чем, скажем, разбиение спектра в английском языке. Однако терминология цветов в языке басса является более подходящей, например, для ботанического описания. Как известно, цветковые окраски распадаются на два ряда; эти ряды примерно охватываются указанными терминами языка басса.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении примера непрерывного спектра цветов опровергается, а не подтверждается знаковая концепция Л. Ельмслева. Спектр цветов не формируется языком, а разбивается объективной действительностью, причем разбивается по-разному; поэтому он и отражается в языках по-разному, в зависимости от конкретных географических и социальных условий и, конечно, в какой-то мере в зависимости от истории данного языка.

Знаковой концепции Л. Ельмслева можно и нужно противопоставить понимание значения слова как языковой формы выражения понятия и, следовательно, как общественной формы отражения свойств и отношений объективного мира в человеческом сознании. При таком подходе значение уже невозможно отделить от языковой формы именно потому, что значение не существует до и помимо языка. При таком подходе теряют всякий смысл рассуждения о логически предустановленных значениях, не зависящих от конкретных языков. Значение конкретно и существует в конкретном языке, а семантические сходства и различия между языками — это сходства и различия в системе значений этих языков.

С. К. Шаумян вслед за Л. Ельмслевым отделяет значение от языка, оставляет в языке только «несобственно значения». Однако, что представляя собой эти последние, трудно догадаться. Ссылка на элементы соотношений ничего не дает, потому что любой предмет может быть представлен как элемент соотношения. Например, цвета голубой и синий соотно-

¹ См. B. Sier t s e m a, A study of glossematics. Critical survey of its fundamental concepts, The Hague, 1955, стр. 151.

² H. A. G l e a s o n, An introduction to descriptive linguistics, New York, 1956, стр. 5.

сятся как друг с другом, так и с другими цветами и, следовательно, являются элементами соотношений. У Л. Ельмслева языковая часть значения, так называемая форма содержания, является также наиболее неопределенным понятием. С одной стороны, форма содержания — это элемент соотношений, характер которых конкретно не определяется (Л. Ельмслев называет три типа соотношений: взаимообусловленность, односторонняя обусловленность и независимость. Значит ли это, что и форм содержания насчитывается всего три типа?). С другой стороны, форма содержания связывается с понятием ценности (*valeur*), которую сам Л. Ельмслев определяет как «дифференциальный минимум значения»¹. Это определение, во-первых, соприкасается с понятием дифференциальных признаков речевой ситуации Л. Блумфилда, а во-вторых, напоминает безусловное общее значение традиционной грамматики. Во всяком случае это определение сводит форму к части субстанции содержания (дифференциальный минимум) и, следовательно, — хочет этого или не хочет Л. Ельмслев, — вводит субстанцию в саму структуру языка. Наконец, форма содержания у Л. Ельмслева представляется и как некая алгебраическая величина, под которую произвольно подводятся различные вещи и явления объективного мира. В таком понимании форма содержания есть нечто, устраняющее многозначность слова. Например, форма содержания слова *træ* в датском — это нечто, объединяющее раздельные величины субстанции «дерево как растение» и «дерево как материал», или во французском *ras* объединяет величины субстанции «не» (отрицание) и «шаг». Таким образом, вынесение значения за пределы языка не вносит ясности в вопросы семантики, а, наоборот, лишает их всякой определенности.

В какой мере тезис о внешнем по отношению к языку характере семантики отражает взгляды структурализма вообще? Прежде всего следует сказать, что позиция структурализма в отношении семантики более чем в других областях определяется полемикой с представителями традиционного языкознания. В некотором смысле можно даже утверждать, что само возникновение структурализма было своеобразной реакцией на несостоятельность традиционного языкознания именно в области толкования семантической стороны языковых фактов.

Традиционная методика семантического исследования основана на использовании назывной (номинативной) функции слова, на соотношении слова с обозначаемым предметом или явлением действительности. На основе соотнесения слова с обозначаемым предметом или явлением строилась семантическая классификация, существо которой состояло в том, что обозначаемые словами предметы и явления подводились под общие логические категории субстанции, качества, действия, лица и т. п., а эти логические категории признавались за общие значения соответствующих классов слов. Благодаря этому в языковедческой литературе вошли в употребление такие термины, как «имя действия», «имя состояния», «имя деятеля», «имя орудия» и т. п.

Ясно, что такой подход к значению страдает серьезными недостатками. Он, во-первых, оставляет вне рассмотрения структуру языка, поскольку языковые формы определяются и объясняются не из отношения их друг к другу, а через отношение к обозначаемым явлениям и поскольку в основу классификации кладутся логические категории действительности, которые, как показал опыт логистического направления в языкознании, не получают непосредственного отражения в структуре языка. Во-вторых, такой подход к значению не свободен от элементов субъективизма хотя бы уже

¹ L. Hjelmslev, La catégorie des cas. Étude de grammaire, «Acta jutlandica», VII, 1. 1935, стр. 86.

потому, что, вообще говоря, нет предела для дробления значений. Другим более важным источником субъективизма является то обстоятельство, что наличие назывной функции не избавляет исследователя от необходимости прибегать к субъективной оценке. Это очень ощутимо в случаях, когда само соотнесение формы с элементами действительности становится затруднительным (ср., например, класс отвлеченных существительных). Особенно это касается области грамматических значений, по отношению к которым возможность применения критерия назывной функции становится далеко не очевидной. Между тем «семантический» подход характерен для традиционного рассмотрения проблем как морфологии, так и синтаксиса. Естественно, что в грамматике недостатки такого подхода к значению проявились особенно остро. Здесь мы встречаемся с бесконечными перечнями падежных и иных значений. В грамматике особенно сильно сказывается влияние тех или иных субъективных логических и психологических взглядов, которых придерживается исследователь, а также вредное влияние переноса на иноязычный материал форм и отношений родного или наиболее изученного языка. Ориентация на субъективную оценку значения зачастую просто приводила к совершенно не поддающимся контролю рассуждениям об «определчивании» или «утрате предметности», о степенях «конкретности и абстрактности», о «растворении» одних значений в других значениях, об «оттенках» и «окрасках» и тому подобном.

Попытка преодолеть ограниченность традиционной семантики была предпринята Ф. де Соссюром, который ввел значение непосредственно в структуру знака. Однако для того чтобы отделить значение от обозначаемой вещи, Ф. Соссюру пришлось самый знак перенести в область субъективного. Его знак — это единство звукового впечатления и психического образа вещи, существующее только в мозгу индивида. Поэтому при самом решительном утверждении «знаковости» значения в концепции Ф. Соссюра при ближайшем рассмотрении обнаруживается все то же номинативное понимание значения, так как замена вещи и звука их психическими эквивалентами в сущности ничего не меняет в характере их соотношения. Вместе с тем свойственные номинативному пониманию значения элементы субъективизма оказались включенными в самую концепцию знака и сделали ее непригодной для практического использования. Этим и следует объяснить тот факт, что идеи Ф. Соссюра оказали столь малое влияние на формирование взглядов дескриптивной лингвистики — единственной из школ структурализма, которая с самого начала сделала своим предметом исследования единицы языка, имеющие значение. Для обеспечения объективности лингвистического исследования представители этого направления отказались вообще считать значение сколько-нибудь состоятельным критерием языковой формы. Идеи Ф. Соссюра были развиты в рассмотренной выше знаковой концепции Л. Ельмслева, основной смысл которой состоит в том, чтобы преодолеть номинативный подход к значению или, выражаясь словами Ельмслева, избежать «ошибочного представления о языке как номенклатуре или запасе этикеток, предназначенных для закрепления за априорно существующей вещью»¹.

Если же оценивать позицию структурализма в целом, то нужно сказать, что отношение структуралистов к семантике определялось главным образом не в теоретическом, а в методическом плане. Структуральная лингвистика решает прежде всего вопрос о месте значения в методике лингвистического исследования, причем отказ от использования семантического критерия во многих случаях уживается с признанием значения в качестве основы функционирования языка.

¹ L. Hjelmslev, Omkring sprogteoriens grundlæggelse, стр. 53.

Нужно, однако, сказать, что в методике дистрибутивного анализа значение является все же совершенно побочным фактором и учитывается лишь весьма косвенно через семантические различия, проявляющиеся в диаграммах распределенности. Поэтому отказ от семантического критерия, позволивший структуралистам избавиться от ряда недостатков традиционной грамматики, вместе с тем явился причиной ряда ограничений, присущих методу структурального анализа. Фактически область семантики осталась за пределами структурального анализа. Представители структурализма, которые в пылу полемики не дошли до полного изгнания значения из языка, отчетливо сознают этот недостаток своего направления и ищут пути его преодоления. «Чисто структурные исследования имеют свое значение, но они остаются незаконченными без признания и соответствующего анализа семантических факторов», заявляет, например, Е. Найда¹.

Между тем значение является основным фактором языка и определяет не только назывную функцию формы, но и все особенности ее функционирования. Значение определяет соотношения формы с другими формами и, следовательно, может быть определено объективно из самих языковых соотношений. Эта задача — задача разработки объективной методики семантического анализа — приобретает в настоящее время первостепенное значение. Естественно, что при ее решении необходимо в полной мере использовать опыт объективного исследования языка, накопленный представителями структурализма.

При разработке такой объективной методики семантического исследования целесообразно использовать языковые факты, которые так или иначе уже не раз отмечались в языковедческой литературе, а в ряде работ признаются строгой закономерностью языковой структуры². Мы имеем в виду осуществляемые в речевой практике переходы между различными частями речи типа: «...он *требователен* к себе и к другим, но *требовательность* эта такова, что он отталкивает от себя своих однокурсников» («Лит. газета» от 6 X 56). В этих переходах, которые могут быть названы семантическими преобразованиями, часто непосредственно выявляется синонимия языковых форм, например: «В моем воображении встает образ дяди. Конечно, я понимал, что он *обыкновенный* человек. Но воображение не любит *заурядности*» («Огонек», дек. 1956, № 50). В этих переходах выявляется также лексическая многозначность; ср. следующие два примера: «Они должны считать, что он *бежал* — испуганный, дрожащий. Да у него были две причины для *бегства*, ясные для его врагов: страх перед ними и опасение быть обвиненным в нападении, в убийстве» (В. Иванов, По следу); «Он *бежал* вдоль берега. *Бежал* замечательно красиво, как будто *бег* был его любимым делом» (Н. Балчин, В маленькой лаборатории). В этих примерах многозначность глагола *бежать* выявляется в переходах его в существительные *бег*, *бегство*.

Ясно, что семантические преобразования могут осуществляться лишь на базе общностей и различий в значении соответствующих частей речи. Слова, относительно которых осуществляется преобразование, находятся при этом в строго определенном семантическом соотношении, основанном на тождестве отражаемого элемента действительности, оказываются связанными в своих значениях. Изменение значения одного из слов нарушает эту связь и ликвидирует самую возможность данного семантического пре-

¹ E. A. Nida, A system for the description of semantic elements, «Word», vol. VII, № 1, 1951, стр. 1.

² Ср. H. Glinz, Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik, Bern, 1952, стр. 187.

образования. С другой стороны, семантические преобразования являются первичным, доступным непосредственному наблюдению и действительным для всех языковым фактом, в котором проявляется то или иное значение слова. Поэтому способность к тому или иному типу семантического преобразования может служить строгим объективным критерием значения формы, который и может быть использован при разработке объективной методики исследования семантической структуры языка. При этом, опираясь на встречающиеся в речевой практике естественные преобразования, можно широко пользоваться экспериментом, выясняя возможность преобразования конкретных высказываний в те или иные типы и определяя, таким образом, семантический вариант слова, относительно которого преобразование осуществляется.

*

Из сказанного вытекает, что, начав нужным для советского языкознания разговор о структурализме, С. К. Шаумян, однако, совершенно неправильно ориентирует читателя на одностороннее понимание сущности структурализма в духе знаковой концепции Л. Ельмслева. И это не случайно. С. К. Шаумян с самого начала лишил себя возможности правильного критического подхода к структурализму, объявив данное направление «целостной и последовательной теорией языка» (стр. 39). Это тем более неверно, что как раз в теории языка имеют место наибольшие расхождения во взглядах школ и отдельных представителей структурализма. Структурализм — это прежде всего метод. Именно в методике исследования объединяются все школы и направления структурализма. К сожалению, С. К. Шаумян почему-то не касается структуральной методики исследования. Имеющийся в статье раздел «метод структуральной лингвистики» посвящен изложению некоторых «методологических принципов, которым должно подчиняться построение всякой научной теории как логической системы» (стр. 44). Может быть, такое рассмотрение общих принципов дедуктивных наук и представляет определенный интерес. Однако оно не может заменить собой анализа применяемого структуралистами конкретного метода дистрибутивных соотношений. При рассмотрении общих принципов дедуктивных наук остается в стороне специфика структуральной методики, ее конкретная сущность.

Что касается теоретических положений структурализма, то они либо являются разрозненными обобщениями накопленных структуралистами фактов, либо служат введением в методику исследования и основаны на положениях традиционного языкознания, а также на понятиях современной психологии и логики (бихевиоризм, логический позитивизм). Принципы, выдвинутые Ф. де Соссюром, прямо или косвенно были восприняты всеми школами. Однако совершенно бесспорным оказался лишь самый принцип подхода к языку как к системе соотношений, как к структуре. По другим же положениям де Соссюра, например о природе языкового знака, о месте диахронии в лингвистическом исследовании и т. д., среди структуралистов возникли серьезные разногласия, которые не разрешены до настоящего времени¹. Работа Л. Ельмслева представляет собой чуть ли не единственную попытку построения теории языка на фундаменте структуралистских взглядов. Поэтому С. К. Шаумян в поисках «фундаментальных черт структурной лингвистики именно как целостной и последовательной теории языка» (стр. 39) неминуемо должен был прийти

¹ См. H. S p a n g - H a n s s e n, Recent theories on the nature of the language sign, Copenhagen, 1954.

к теории Л. Ельмслева, которую он и принял за сущность структурализма.

Однако попытку Л. Ельмслева создать теорию языка нельзя признать удачной и не только потому, что построенная им теория произвольна и противоречива¹, но также потому, что она задумана как имманентная теория языка. Между тем сущность языка раскрывается в его функциях — в функции коммуникативной и функции выражения мысли, которые направлены во вне и проявляются в актах общения и познания. Из актов общения и познания только и могут быть выведены первые и исходные понятия для построения теории языка. Теория языка не может быть с начала и до конца имманентной, если она должна отражать действительное положение вещей. Конечно, нельзя отменить с порога и результаты работы школы Л. Ельмслева. В этом отношении у нас имеется кое-какой опыт, который учит более серьезно относиться к различным теориям и направлениям в языкознании. Глоссематика как обобщение конкретных языковых структур должна занимать существенное место в структуральной лингвистике.

С. К. Шаумян в стремлении подвести все школы и направления в структурализме под общий знаменатель концепции Л. Ельмслева признает только наличие терминологических расхождений между этими школами. Однако дело тут не только в терминах. Дескриптивная лингвистика и глоссематика различаются коренным образом по подходу к предмету исследования и по задачам, которые при этом ставятся. «Предметом исследования дескриптивной лингвистики является какой-нибудь один язык или диалект»², а результаты дескриптивного анализа всегда действительны только для данного исследуемого языка. В отличие от этого Л. Ельмслев добивается универсальных результатов. Его задачей является получение схем языковых соотношений, действительных для всех языков мира и составляющих универсальную грамматику языка вообще. В таком смысле эти две школы действительно дополняют друг друга. Ясно, что получение общих схем, универсальных принципов построения языка является одной из важнейших задач языкознания. Нужно лишь, чтобы такие схемы были действительным обобщением конкретных языковых структур, а не выводились чисто дедуктивно из принятых теоретических положений, как это часто делают Л. Ельмслев и его последователи.

Итак, можно сделать следующие выводы: 1. Статья С. К. Шаумяна неправильно ориентирует читателя на одностороннее понимание сущности структурализма в духе знаковой концепции Л. Ельмслева. 2. Звуки речи — конкретные физические явления, поддающиеся измерению и автоматическому анализу при помощи специальных устройств. Ориентация на чистые элементы соотношений уводит языковеда от решения практических задач прикладного языкознания, ликвидирует всякую возможность сотрудничества языковеда с инженерами, необходимость чего в настоящее время вполне назрела. 3. Значение невозможно отделить от языка именно потому, что оно не существует до и помимо языка. Значение может быть определено объективно из самих языковых соотношений, в частности из семантических преобразований, осуществляемых в речевой практике. 4. Критическое усвоение опыта структурализма отвечает научной целесообразности и является обязательным подготовительным этапом работы по внедрению в языкознание математических методов исследования.

¹ Детальный критический обзор работ Л. Ельмслева содержится в указанной выше книге В. Сиртсема.

² Z. Harris, указ. соч., стр. 19.